

УДК 32

Грани либеральной матрицы модерна

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Различные течения внутри либерализма разнятся своими подходами к важнейшим структурным и ценностным элементам современности. Но наличие позиции у представителей этих подходов по основным проблемам является обязательным. В завершающей части статьи анализируется отношение к таким важным институтам, как государство и гражданское общество, а также показана несостоятельность попыток отождествления капитализма и демократии. Особо рассмотрены подходы либеральных теоретиков к концепту гендера, показаны попытки разрушить в массовом сознании и политике роль половых различий людей и обусловленные ими функциональные и семейные ролевые установки. Отдельно показаны новации в доктрине либерализма.

Ключевые слова: парадигма, модерн, наука, идеология, модернизм, либерализм, неолиберализм, гендер, государство, гражданское общество, демократия, капитализм, прогрессизм.

Статья является продолжением работы, опубликованной в предыдущем номере журнала [11], и представляет собой очередную попытку осмыслить господствующую в современном мире либеральную идеологию. Не останавливаясь на причинах ее исторической победы над остальными политическими идеологиями, мы тем не менее держим эту проблему в голове и ищем ее решение. При этом бросается в глаза прежде всего отсутствие у данной доктрины жесткого каркаса. Это странно, ибо как идеология она должна обладать основными присущими ей качествами, в том числе однозначностью подходов к основным элементам и ценностям современного политического мира.

Но эта кажущаяся странность естественным образом вытекает из природы основного для либерализма феномена – рынка. Как пишет А. Бенуа, то, что называют политическим либерализмом, на самом деле является по преимуществу способом применения к политической жизни принципов, выведенных из экономической доктрины рынка. Поэтому эта доктрина стремится ограничить, насколько это возможно, политическое пространство. В реальной практике свободный рынок и политика – антагонисты. Исходя из этого, термин «либеральная политика» является понятийным противоречием [3].

Политика, с либеральной точки зрения, воспринимается как потенциально опасный институт, так как она создает возможности для использования власти, имеющей «иррациональную» природу. Поэтому в либеральных концептах она

сводится к гарантированию прав и управлению обществом на уровне технической экспертизы и менеджмента.

Государство как вторичный продукт социального развития. Основным институтом, производящим политику как продукт своей деятельности, является государство. Идея естественного регулирования общества рынком логично отвергает государство как искусственное образование. С точки зрения традиционной либеральной парадигмы миром правят рынок и государство, но государство является актором номер два. Это вытекает из возможностей рынка как организатора всего мирового пространства, в то время как государство способно управлять лишь определенной его частью. Поэтому, исходя из конкуренции между рынком и государством за управление государством и миром, либерализм ориентирован на ограничение функций и роли государства в социально-политической жизни общества. Основоположник этого подхода А. Смит осуществил фундаментальный разрыв между понятиями государства и территории. Порывая с меркантилистской традицией, которая продолжала отождествлять политическую территорию и экономическое пространство, он определил, что рынок не должен быть ограничен конкретными политическими рамками. Рынок – более, чем сеть коммуникаций, чем пространство. Его система должна распространиться вплоть до окраин Земли, и единственный предел для нее – способность к обмену.

«Торговец, – писал А. Смит, – необязательно должен являться гражданином какой-то конкретной страны. Конечно, он им, как правило, является, но это не должно ему мешать вести свои дела в любом месте, где ему заблагорассудится, а также переносить в любую страну свои капиталы и то производство, которое эти капиталы пускают в ход» [3].

Атомизированное общество, в котором индивиды могут взаимодействовать друг с другом, не вступая при этом в отношения, является исходной предпосылкой либерализма. Поэтому, как пишет С. Жижек, проблема «создания государства», таким образом, не разрешима «даже для дьяволов», говоря словами Канта. А идея о том, что это в принципе возможно, является ключевым элементом либеральной утопии [9].

Либерализм, как и любая идеология, представляет собой конгломерат концептов, объединенных для решения конкретных проблем, определенного исторического периода и данной политической ситуации. Его теория в значительной степени имеет договорную природу и, соответственно, социальную сущность, она ориентирована на достижение консенсуса между заинтересованными сторонами. Логично, что и государство в идеологии либерализма имеет договорную природу и находится на службе у «гражданского общества» [2, с. 5; 7].

Нация при этом понимается как совокупность граждан государства, объединенных общей территорией проживания и общим экономическим уровнем развития хозяйства. Важно, что ни этнический, ни религиозный, ни сословный фактор значения не имеют. Это государство-нация представляет собой некую корпорацию, созданную по взаимному соглашению его участников на основании их коллективного договора в целях обеспечения своих прав и интересов. Процесс этот историчен и не священен. Теоретически она может быть этими

участниками и распущена, о чем свидетельствует положение, что «народ имеет право на восстание».

При таком понимании нации и государства ни о каком патриотизме речи не идет, общество и его составляющие ничем государству не обязаны, их смыслообразующими ценностями становятся лишь права индивидов, учредивших государство, чтобы оно обеспечивало их выгоды. Либеральное понимание государства в его классической форме, впрочем как и марксистское, не включает в себя понятия его исторической цели и миссии и, по сути дела, неявно заявляет, что этим можно пренебречь. Когда либералы говорят о нации в социально-политическом смысле, они игнорируют исторические, культурные, религиозные, этнические ценности, объединяющие людей в народ, в нацию.

То есть народ для либералов – по сути, просто электорат атомарных одиночек, существующих только сейчас и здесь. Он не имеет и не должен иметь никаких культурных, религиозных, исторических, национальных традиций и скреп, через которые осознает свою общность и единство [1; 10, с. 189]. Традиции и исторические корни целесообразны только на уровне семьи/рода и населенного пункта. Неудивительно, что либералы и пацифисты так часто играют в государстве роль «пятой колонны». Либеральная идеология и либеральный «образ мыслей», таким образом, – это главное препятствие на пути сплочения народа перед лицом всегда существующего в политической реальности врага государства [7; 13, с. 260].

В социуме, живущем по рыночным законам и находящемся в фазе гражданского общества, противостоящего государству, последнее обречено на исчезновение так же, как в теориях о бесклассовом обществе.

Логика рыночного общества, как показал А. Кайе, сопряжена со всеобщей уравниловкой, исходя из взаимозаменяемости людей. «Стержень либеральной идеологии, – пишет Кайе, – состоит в идентификации правового государства и государства рыночного. Через это призыв к свободному осуществлению индивидом своих целей оборачивается их обязательством не иметь никаких целей, кроме рыночных» [3].

Поэтому любая деятельность государства, выходящая за рамки отведенных ему либерализмом границ, представляет собой потенциальную опасность. Например, государственное регулирование экономики в либеральной доктрине есть зло, которое противостоит индивидуальной свободе. Поэтому политэкономия либерализма настаивает на том, что государство должно в первую очередь и по преимуществу обеспечить максимальную свободу для экономической деятельности, т. е. оно должно сосредоточиться на образовании, строительстве дорог, проводить связь, занимаясь созданием инфраструктуры [14].

Неолибералы вообще сомневаются в существовании общего блага. Например, Хайек в принципе отвергает организующий подход к обществу: никакие политические институты, никакая власть не должны вмешиваться в идеально отлаженные механизмы функционирования «спонтанного порядка». При таких воззрениях единственная роль, которую большинство либералов оставляют государству, – гарант условий, необходимых для свободной игры экономического разума на рынке. У государства как социального института, по мне-

нию либералов, не может быть собственной цели. Оно существует для того, чтобы гарантировать индивидуальные права, свободный обмен и уважение к закону [3].

Вместе с тем на фоне продолжающегося мирового экономического кризиса мы видим потерю либерализмом в этой теме своих позиций, констатируем возвращение государства в мировую политику и его наступление на позиции рынков. Усиливается государственное регулирование, вводятся ограничения на сверхсвободное перемещение капитала, продолжается борьба с офшорами, государства усиленно стимулируют собственный экспорт и стараются защищать отечественного производителя [4].

Исходя из первичности идеологии, во втором десятилетии XXI в. американский истеблишмент демонстрирует полное пренебрежение экономическими интересами своей буржуазии и мнением союзников при проведении антиросийского политического курса.

Гражданское общество как либеральный концепт. Анализ истории экономического либерализма показывает, что он всегда пытался создать не политическое гражданское общество, а саморегулирующийся и не опосредованный властью аполитичный институт.

Идеологи либерализма понимают, что в борьбе с государством за лидерство рынок проиграет. Переход национальных экономик в мировое рыночное пространство предполагает и соответствующую трансформацию общества из традиционного в гражданское. Традиционное общество, являясь неотъемлемой частью традиционного государства, не может противостоять ему по своей сути. Таким образом, чтобы перетянуть общество на сторону рынка, его следует трансформировать, сделав наиболее активную и политизированную его часть оппозиционной государству.

Рыночное общество в представлениях либералов являет собою новый, постгосударственный этап развития человечества. На этом этапе общество не заключает с государством никаких контрактов на делегирование ему властных и арбитражных функций, эту миссию сможет исполнить рынок. Признание за рынком функции эффективного регулятора общества – это идея, выношенная интеллектуальной элитой Нового времени. Отправным постулатом для интеллектуалов от политики с XVII в. был «социальный контракт», приходящий на смену модели традиционного общества. Но для этого требовалось обосновать институт общества как самодостаточный феномен, не зависящий ни от какого внешнего актора – ни от церкви, ни от государства. Однако все теории на тему социального контракта вступали в противоречие с реальностью и выступали в виде нежизненных схем.

Проектирование концепций социального контракта сталкивалось с двумя основными проблемами. Первая проблема была обусловлена тем, что в эти теории инкорпорировался принцип гражданского мира, ставивший вне рамок рассмотрения войны между государствами. Вторая проблема заключается в ориентированности общественного договора на формирование общества, а не вытекает из процессов его регулирования [18]. Эти препятствия являются следствием виртуаль-

ного конструирования социально-политической реальности в соответствии с запросом определенного класса, а не анализом реального положения дел.

Либерализм, став доминирующей идеологией западного мира, начал воплощать в жизнь концепт «гражданского общества», совпадающий со сферой частных интересов, и выступать против «гегемонии» общественного сектора, т. е. государственной монополии на удовлетворение коллективных нужд. Однако идеологи либерализма не хотят превращения гражданского общества в актора социально-политического процесса. Гражданское общество должно быть, по их мнению, не более чем инструментом в руках рынка.

Поэтому само существование гражданского общества – скорее виртуальная реальность, нежели действующий институт. Как пишет А. Бенуа, гражданское общество, определяясь не самостоятельно, но на основе своей оппозиции к государству, приобретает все более расплывчатые контуры и выступает скорее как идеологический оператор, чем как четкая и законченная реальность [3]. На деле, в соответствии с либеральной концепцией, гражданское общество должно быть некой стихией, которая организуется средствами массовой информации, откуда и определение их, но не гражданского общества, в качестве «четвертой власти».

Концепция гражданского общества не ограничивается национальным пространством, а аналогично рыночным отношениям, оно должно быть глобальным. По мнению П. Розанваллона, «гражданское общество, понятое как текущий рынок, распространяется на всех людей и позволяет преодолеть разделение на страны и расы» [18]. И эта всеобщность, безграничность и аморфность на деле превращает его не в активного игрока, а в фон или контекст.

Концепция гражданского общества решает и другую важную для либерализма задачу – она позволяет избежать сюжетов классовой борьбы при описании общества. Благодаря этому такие понятия, как государство, классы, социальные группы, идеологии, партии, отражающие реальную конфликтность политического процесса в обществе и государстве, заменяются нейтральными определениями, относящимися к культурологии и антропологии: дух, индивид, ментальность, этнос, язык, культура, идентичность и т. д. Подобные трансформации дают возможность перевести политические конфликты в неполитическую плоскость общественного бытия [17].

Данная подмена понятий предназначена для обоснования возможности разрешения социально-политических конфликтов при помощи толерантности, консенсуса, плюрализма, третейского суда, формулирования общенациональных интересов, воспитания взаимной уступчивости и терпимости, перехода на модель разделения властей, общенациональных выборов и т. п.

При этом, как замечает А. Л. Кабаченко, «большая часть нормативно насыщенных понятий («справедливость», «нация», «права», «патриотизм», «общество», «добродетель», «тирания» и др.), обуславливавших ранее классические идеи политической науки», вытесняется «количественными данными и политическим анализом, которые привнесли такие безжизненные понятия, как «установка», «когниция», «социализация» и «система». Эти технологии уводят исследователей от изучения актуальных, социально значимых вопросов развития политических процессов к выработке общепользовательных технологий гармонизации социальных отношений [12, с. 269].

Либеральные авторы убеждают в возможности существования общества, полностью соответствующего ценностям индивидуализма и рынка. По мнению А. Бенуа, это иллюзия. Идея, согласно которой человек свободно и рационально действует на рынке, является утопической, так как экономические действия никогда не являются автономными, но всегда зависят от общественного и культурного контекста и являются реакцией на него. Не существует изначальной или врожденной экономической рациональности – она вырабатывается всем общественно-историческим развитием государства и человечества. Индивидуализм никогда не был абсолютной моделью для общественного поведения человека и не будет ею впредь. Более того, есть основания думать, что индивидуализм может проявляться только благодаря тому, что общество все еще базируется на позиции, что целое всегда есть нечто большее, чем простая сумма его частей [3].

Проблема взаимоотношения традиционного общества и гражданского общества для либералов остается в тени. Традиционное общество, так же как и государство, есть контролирующий и ограничивающий индивида фактор, так как именно оно является хранителем морали и нравственности. Поэтому в своей борьбе за вымышленную свободу индивида, сформулированную в институте «прав человека», либерализм использует концепт «гражданское общество» для одновременной борьбы не только против государства, но и против традиционного общества.

Отождествление капитализма и демократии. Исторически развитие капитализма и стремление к широкому избирательному праву шли рука об руку. Вот почему сегодня богатейшие страны представляют собой либеральные демократии с более или менее капиталистической экономикой, базирующиеся на всеобщем избирательном праве, хотя их граждане не стремятся им воспользоваться. Увеличение реальных доходов широких слоев населения жизненно необходимо для легитимизации капитализма и устойчивости демократии. Либеральная демократия (комбинация всеобщего избирательного права с надежно защищенными правами гражданина и личности) и капитализм (право свободно покупать и продавать товары, услуги, капитал и собственный труд) связаны естественным образом. То и другое держится на убеждении, что люди должны делать собственный выбор и как покупатели, и как индивиды, и как граждане. И демократия, и капитализм в идее создают условия для того, чтобы люди могли сами решать свою судьбу [6].

Отождествление капитализма и демократии долгое время являлось краеугольным камнем либеральной парадигмы, однако процессы конца XX – начала XXI в. опровергли постулат, согласно которому политическая демократия возможна только как «надстройка» над рыночной экономикой.

В работе «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» К. Шмитт пишет, что демократия может быть милитаристской или пацифистской, прогрессивной или реакционной, абсолютистской или либеральной, централистской или децентрализующей, разной в разные эпохи, «не переставая быть демократией». Сущность демократии он видит в тождестве управляющих и управляемых, в том, что «принимаемые решения должны быть значимы, прежде всего, для самих решающих» [7]. Поэтому нетрудно увидеть от-

сутствие детерминизма между демократией и капитализмом и даже обнаружить противоречия между ними. Демократия основана на принципе равенства. Капитализм основан на неравенстве, во всяком случае в доходах. Когда экономика переживает тяжелые времена, большинство граждан выбирают автократию. Если доходы становятся слишком неравными, богатые стремятся превратить демократию в олигархию.

Лучшим доказательством исторической ограниченности либеральных рецептов и концепций является печальный опыт горбачевского реформирования СССР и неоспоримый экономический и социальный результат, достигнутый рядом азиатских стран, и в первую очередь Китаем. Они свидетельствуют об отсутствии жесткого детерминизма между рыночной экономикой и демократией. Более того, с точки зрения экономической эффективности и скорости перехода на рыночные рельсы более предпочтительными выглядят авторитарные режимы.

С другой стороны, либерализм, в том числе и экономический, неразрывно связан с демократией. Но последняя не ограничивается и не обуславливается либерализмом. В свете развития реальных процессов становится очевидной их глубинная противоречивость. Так, если либерализм, как идеология, декларирует приоритет и уникальность отдельной личности, неприкосновенность основополагающих прав и свобод индивида, то демократия, напротив, исходит из суверенитета или верховенства народа, провозглашает политическое равенство граждан, господство воли большинства.

Либерализм отдает предпочтение свободе перед равенством, а демократия – равенству перед свободой. Жестко говоря, либерализм скорее терпит демократию, чем создает ее. Вместе с тем, по мнению М. Вульфа, на рубеже тысячелетий наблюдается естественное объединение этих феноменов — либерализм вобрал в себя идеи, принципы и ценности демократии, он впитал в себя социальную сущность демократии, поэтому его уже не следует отождествлять с традиционным либерализмом, ни тем более с современным экономическим либерализмом в чикагской интерпретации [6].

Более того, подлинно демократическое государство, как ни парадоксально это звучит для либерального уха, это государство тотальное, государство, в котором воплощён принцип тождества правящих и управляемых, это государство, которое стирает границы между политическим и общественным, государственным и общественным, это государство, в котором все сферы и все стороны общественной жизни приобретают политический смысл и политическую значимость. В таком случае, по мнению К. Шмитта, получается, что подлинными демократиями были не Англия и Соединенные Штаты, но Третий рейх или сталинский Советский Союз [7].

Окончание холодной войны, как это ни парадоксально, привело к тому, что сегодня капитализму куда труднее способствовать росту благосостояния населения своих стран, чем прежде. Напротив, очевидны возрастание неравенства и замедление темпов роста производительности труда. Сочетание этих факторов делает демократию обременительной, а капитализм нелегитимным.

Победа Запада в холодной войне стимулировала процесс глобализации, а в особенности американский глобализм. Поэтому сегодняшний капитализм, как

никогда прежде, глобален. Это вполне естественно, так как предоставленные самим себе капиталисты склонны к трансграничной экспансии, если это экономически выгодно. Если у них есть возможность распространить свою деятельность на весь мир, они ее используют. Именно так действуют экономические организации, особенно крупные компании, ускоряя тем самым глобализацию.

В свою очередь, как отмечает профессор Д. Родрик из Гарварда, глобализация ограничивает национальную автономию: «Демократия, национальный суверенитет и экономическая глобализация несовместимы, возможна комбинация любых двух из этих компонентов, но всех трех и в полной мере – никогда». Национальное регулирование может негативно влиять на международную торговлю. Когда же барьеры сняты, а нормативы согласованы, в проигрыше оказывается правовая независимость государств. Свобода движения капитала ограничивает возможности государства устанавливать собственные налоги и нормы [6]. И с этим уже столкнулась самая могущественная держава западного мира – США, о чем публично заявил президент Трамп.

Как свидетельствует мировая практика, все периоды глобализации сопровождаются массовой миграцией. Необходимость пересекать границы определяет наиболее острый конфликт между личной свободой и суверенитетом демократических государств. Первая подразумевает, что люди могут ехать куда захотят. Второй рассматривает гражданство как коллективную собственность, доступ к которой контролируют граждане. В то же время бизнес заинтересован в возможности свободно нанимать сотрудников независимо от их гражданства. Неудивительно, что проблема миграции стала самой больной темой для современных демократов. Миграция обречена вызывать трения между национальной демократией и глобальными экономическими возможностями, повышая градус социальной напряженности в принимающих государствах.

Глобальный капитализм переживает сегодня не лучшие времена, особенно если принять во внимание психологическое воздействие последнего финансового кризиса, его разрушительное влияние на доверие к национальным элитам, ответственным за политический и экономический курс. С учетом всего этого союз либеральной демократии и мирового капитализма выглядит не слишком жизнеспособным.

Что же может прийти ему на смену? Один из возможных вариантов – рост мировой плутократии и фактический конец национальных демократий. Так, некогда Римская империя, сохранив форму республики, на деле перестала быть таковой. Другая альтернатива – расцвет нелиберальных демократий или откровенно плебисцитарных диктатур, в которых избранные правители контролируют и государственные институты, и капиталистов. Это происходит сейчас в России и Турции. Подконтрольный национальный капитализм заменяет глобальный [6].

Разрушение семьи как института современного общества. Либерализм, являясь агрессивной политической идеологией, постоянно демонстрирует свою тотальность и последовательность. Абсолютизируя рыночные институты, он ведет непримиримую борьбу с другими социально-политическими институтами. Как утверждает С. Жижек, структура либерализма предполагает бесконечную «борьбу с дискриминацией», в ходе которой цель этой борьбы постоянно

отодвигается все дальше и дальше. Общество, освобожденное от всяческих моральных предрассудков, как пишет Жан-Клод Мише, «потому и будет обществом, вынужденным видеть преступления повсюду» [9].

В начале XXI в. основным объектом разрушающего внимания либерализма стала традиционная семья. Сегодня требование легализации однополых браков поставлено вровень с правами человека или как одно из них. Гендерная идентичность как форма коллективной идентичности также неприемлема для идеологов «прав человека». Отбрасывая все присущее человеку, либералы естественным образом должны были столкнуться с проблемой полов и поставить вопрос не об их равноправии, а о свободе от него. Однако пол – это не индивидуальный, а коллективный признак, он имеет природную основу и причину, а не социальную или политическую. В современном мире в массовом порядке изменить это невозможно. Зато, по мнению либералов, можно перестроить массовое сознание таким образом, чтобы мобилизовать общество на преодоление этого природного ограничения, нивелировать последствия этого разделения, лишив его ролевых значений.

По мнению А. Г. Дугина, отказ от гендерной идентичности, абсолютная легализация и легитимация гомосексуальных отношений, а также полноправие транссексуалов и свобода трансгендерных операций является не просто курьезной деталью в становлении либерального глобального общества, но его важнейшим программным пунктом. В этом обществе должны исчезнуть не только этносы, народы, конфессии и государства, но и мужчины и женщины в традиционном для нас понимании [8].

Либеральная социальная концепция полагает, что гендер является конструктом, который выбирается добровольно. Человек сам определяет пол, и его выбор имеет юридическое значение. Здесь выразилось крайнее понимание свободы: человек должен стать свободным от секса и пола, потому что секс деспотичен и тоталитарен, в нем есть разделение полов, что приводит к неравенству и несвободе. Традиционный секс несовместим со свободой. Не может существовать социальная свобода, пока в сексе мужчина и женщина сохраняют неравенство.

Понятие «пол» (имеет два значения) в социальном либерализме заменено понятием «гендер» (значений может быть множество). Эта гендерная идеология является следствием либеральной идеологии, основанной на приоритете прав индивида, воспринимающей общество как простую сумму индивидуальных атомов и стремящейся к тому, чтобы узаконить и превратить в норму все их прихоти и желания [3]. Половое различие людей представляет для либералов вызов, так как их рационалистическая парадигма исходит из возможности, важности и неизбежности победы человека над всем природным в нем. Традиционная семья представляет собой последний форпост естественной цивилизации и традиционного общества, поэтому либералы, добившись мировой победы в идеологической борьбе, обрушивают на нее всю мощь медиа и постмодернистской культуры, а главное, подконтрольной им государственной машины.

Присущий неолиберализму подход к внутрисемейной коммуникации как к разновидности субрыночной конкуренции естественным образом минимизиру-

ет роль ее детородной функции, существенно ухудшает демографическую ситуацию в западных демократиях [20]. А в совокупности с неослабевающей миграцией из мусульманских стран современная либеральная политика ведет западную цивилизацию к повторению судьбы Римской империи, наследницей которой она себя считает.

Неолиберализм. Вместе с тем преждевременно считать крах либерализма как идеологии процессом неизбежным и скорым. Являясь совокупностью доктрин, либерализм постоянно приспосабливается к изменяющейся социально-экономической и политической обстановке как внутри одной страны, так и в совокупности развитых западных государств, и, что не менее важно, ко всем изменениям глобального мира. В частности, развитие либерализма в XX в. привело к его серьезным трансформациям – например, к выделению в нём правого и левого крыла, появлению противоположных вариантов неолиберализма, а также так называемого либерализма «третьей волны». Левые либералы в значительной степени акцентируют внимание на культурном и социальном либерализме и через это являются главным объектом критики и претензий в избыточной терпимости, опасной снисходительности и попустительстве. Причина в том, что левый либерализм понимает права человека как безграничную свободу индивидуальных действий, начиная с неконтролируемых аборт, включая неограниченное использование наркотиков, повсеместную организацию гей-парадов, законодательное признание однополых браков, и заканчивая эвтаназией.

Распространенным названием левой политики либералов является такое понятие, как «прогрессизм» [16]. Прогрессизм, или прогрессивизм – это идеология, направленная на пропаганду и осуществление социальных и политических реформ сверху, то есть правительством, и нередко противопоставляемая консерватизму и традиционализму. Основная мысль прогрессизма сводится к утверждению, что человечество – нечто абстрактное и безответственное, не существовавшее до тех пор, пока его не выдумали, которое не только движется по пути прогресса, что очевидно, но и обязанное по нему двигаться. Прогрессисты отстаивают главенство общенародных интересов. Они призывают к коллективной деятельности под руководством бюрократического аппарата и стремятся покончить с губительным разъединяющим воздействием различий внутри общества.

Прогрессисты благоволят многоукладным экономикам и жестко регулируемому финансовому сектору. Они поддерживают идею, впервые высказанную британским экономистом Д. М. Кейнсом, о том, что правительства должны гарантировать совокупный спрос, которого достаточно для удержания уровня полной занятости, а значит, и существования многоукладной экономики. Сокращение финансового сектора оправданно, потому что, как сказал Кейнс, «когда капитал развития государства становится побочным продуктом деятельности казино, скорее всего, работать будут плохо» [19].

Прогрессизм характеризуется поддержкой использования высокого уровня знаний для автоматизации процессов производства и сбережения ресурсов, направления ресурсов государства на развитие социального обслуживания и повышение общего уровня образования. При этом классовое неравенство со-

храняется, а устойчивость существования данной системы определяется соблюдением законодательных норм и пониманием общественных угроз вследствие их нарушения.

Данная общественная модель может рассматриваться в качестве продолжения развития капиталистической, в которой учтено негативное влияние «свободного рынка» и применяются государственные механизмы регулирования и планирования для устранения негативных проявлений капитализма, законодательно ограничены возможности частного банковского капитала. Основным распорядителем капитала и земельных ресурсов в соответствии с этой концепцией является государство [15].

Правое крыло либерализма, наоборот, декларирует свою приверженность традиционным ценностям, в частности разнополой семье, патриотизму, мировым религиям. Его сторонники поддерживают отечественную культуру, выступают за неприкосновенность частной собственности [20]. Однако в последнее время голосов правых либералов в защиту своих национальных святынь, ценностей и традиций в западном мире не слышно.

Следующая разновидность современного неолиберализма возникла в процессе глобализации. Ее идейные наставники – экономисты австрийской и чикагской школ. Их общей позицией является тезис о том, что Великая депрессия есть результат избыточного госрегулирования рыночного пространства, причиной его появления стала широкая приватизация в Западной Европе в 1980-е гг. и деятельность МВФ, Всемирного банка и ГАТТ/ВТО. Эта разновидность неолиберализма не против умеренного госрегулирования экономики, ограниченного монетарными действиями и поддержкой национального бизнеса в его борьбе за внешние рынки. В остальном она рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию в качестве принципов, которые целесообразно распространить на все сферы жизни общества. Ее приверженцы считают эти принципы главным инструментом мирового развития и в борьбе за социальную справедливость. Основным условием позитивных перемен в мире они называют постоянный экономический рост [20].

Уже отец экономического либерализма А. Смит знал, что рынок, эффективный в сфере частного интереса, неэффективен в области общественного блага, а следовательно, чреват социальными катаклизмами, вплоть до революций. Под влиянием этого его понимания и доктрины утилитаризма в конце XIX в. возник социальный либерализм, или социал-либерализм, приобретший в XX в. наименование европейского социализма.

Его последователи отбросили принцип антигосударственности. Они утверждают, что государственная власть должна использоваться в целях восстановления и поддержания режима социальной справедливости. Основными задачами для государственных органов, по их мнению, являются обеспечение равного доступа к удовлетворению основных потребностей – получению образования, бесплатного здравоохранения, к равным экономическим возможностям; противодействие масштабным стихийным природным, социальным и политическим бедствиям. Главным идеологом социального либерализма признается Дж. Кейнси, в частности его концепция «государства всеобщего благоден-

ствия». Реальным и успешным воплощением этой концепции они считают «новый курс» президента Ф. Д. Рузвельта [20].

Возникший неолиберализм в основном существует в двух разновидностях. Одну, без особых мудрствований, именуют новым либерализмом. Его роднит с социал-либерализмом поддержка государства в деле регулирования свободных рынков с целью создания условий равных возможностей в достижении успехов в бизнесе, науке, политике, более справедливого соотношения в доходах и т. п. Приверженцы этих взглядов считают, что государственная система обязана ориентироваться на модель социального государства. К ее основным элементам они относят предоставление государственного пособия по безработице, создание приютов для бездомных и организацию системы бесплатного здравоохранения для безработных и престарелых. После Второй мировой войны идеологи этого направления провозгласили усиление корпоративного сотрудничества, внедрение системы социального партнёрства, создание национальной системы управления, совмещающей в себе достоинства свободной конкуренции с госрегулированием.

По мнению неолибералов, рынок отнюдь не естественный механизм, ведущий к гармонии в обществе, а искусственный инструмент, который нуждается в совершенствовании правил игры, а также в беспристрастных судьях и арбитрах. Отрицая концепцию государства как «ночного сторожа», новые либералы предполагают его активную роль в «социальном рыночном хозяйстве», которое исключает крайности как безграничного либерализма, так и тотального коллективизма [5].

Антиидеологическая, антиутопическая позиция либерализма продекларирована как одна из его сущностей. Сторонники позиции считают, что эта доктрина сможет создать «общество наименьшего зла» и избежать зла большего, и по этой же причине они рассматривают любые попытки прямого навязывания «добра» как непосредственный источник всех зол.

И вот здесь возникает парадокс. Правые традиционно поддерживают рыночную экономику, ожесточенно воюя с культурой, которую она и порождает. С другой стороны, мультикультурные левые борются против рынка и в то же самое время активно поддерживают идеологию, которую рынок же и порождает [9].

Вместе с тем либерализм не случайно является основной политической идеологией планеты, его приспособляемость не знает границ. Он перестал быть идеологией европейских и американских демократий, он прочно обосновался в Северо-Восточной Азии, Австралии и Новой Зеландии, присутствует в Индии, популярен в вестернизированной элите развивающихся стран. Его разновидность «третьего поколения» сформировалась в ходе борьбы стран третьего мира за освобождение и национальный суверенитет. Последователи этих взглядов борются против сосредоточения власти, финансовых и материальных ресурсов и технологий у западных стран. Декларируемые ими принципы диаметрально расходятся с постулатами классического либерализма, прежде всего с приматом индивидуализма. Им гораздо ближе коллективные права человека, борьба за мир, самоопределение народов, создание условий для экономического развития их стран и доступ к высшему образованию, достижениям науки и техники, а также перспективы получения гуманитарной помощи [20].

Анализ теории и практики либерализма, его мутаций в рамках значимых исторических периодов приводит к выводу о чрезвычайной жизнеспособности данной идеологии, ее поразительной готовности к постоянным трансформациям и адаптации к любым рыночным и демократическим государственным системам. Произошедшее изменение политической ситуации в стране и мире провоцирует появление в рамках либеральной идеологической системы новых направлений, призванных решить задачу адаптации к новым условиям.

Неизменными остаются приверженность любых течений внутри либерализма приоритету рыночных отношений и вторичность всех остальных социально-политических институтов. Здесь проходит красная линия, зайти за которую идеологи либерализма не в состоянии. Рынок индивидов, товаров и услуг либералами объявляется целью и смыслом существования современной земной цивилизации, а интересы общества, государства, семьи – вторичными, решаемыми автоматически правильно организованными рыночными отношениями.

Список литературы

1. *Азаров В.* Либерализм как идеология [Электронный ресурс] / В. Азаров. – URL: <https://nstarikov.ru/blog/19077> (дата обращения: 1.08.2017).
2. *Арзуманов И. А.* Государство, право и гражданское общество в эпоху позднего модерна / И. А. Арзуманов // Правовая политика современной России: реалии и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию ИГУ. – Иркутск, 2013. – С. 3–6.
3. *Бенуа А.* Свобода либералов – это, прежде всего, свобода собственности [Электронный ресурс] / А. Бенуа. – URL: <http://www.sensusnovus.ru/idea/2014/06/06/19041.html> (дата обращения: 12.12.2016).
4. *Братерский М.* Крах либерализма? [Электронный ресурс] / М. Братерский // Российский совет по международным делам. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1282#top-content (дата обращения: 12.12.2016).
5. *Бусыгина И.* Либерализм [Электронный ресурс] / И. Бусыгина // Общая тетрадь. – URL: <http://otetrad.ru/article-1181.html> (дата обращения: 12.02.2017).
6. *Вулф М.* Глобалист: Капитализм vs демократия / М. Вулф // Ведомости. – 2016. – 2 сент.
7. *Дёмин И. В.* Критика идеологии либерализма в политической онтологии К. Шмитта [Электронный ресурс] / И. В. Дёмин // Филос. Самара. – URL: http://www.phil63.ru/kritika-ideologii-liberalizma-v-politicheskoi-ontologii-k-shmitta__ (дата обращения: 12.01.2017).
8. *Дугин А. Г.* Социология глобального общества [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин. – URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/sociologiya-globalnogo-obshchestva/> (дата обращения: 1.08.2017).
9. *Жижек С.* Либерализм – политика для дьяволов [Электронный ресурс] / Славой Жижек. – URL: <http://liva.com.ua/liberalism-for-devils.html> (дата обращения: 02.09.2016).
10. *Зуляр Р. Ю.* Ключ к исследованию социально-гуманитарных проблем Сибири / Р. Ю. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 188–191.
11. *Зуляр Ю. А.* Либеральная матрица модерна / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 21. – С. 7–19.
12. *Кабаченко А. Л.* Политический процесс и политическая система: источники саморазвития / А. Л. Кабаченко // Вестн. МГУ. Сер. 12, Полит. науки. – 2001. – № 3. – С. 102–119.

13. *Казарин В. Н.* Политологические аспекты в «Третьих университетских социально-гуманитарных чтениях 2009 г.» / В. Н. Казарин // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 1. – С. 256–263.

14. *Колмаков В.* Экономические принципы либерализма [Электронный ресурс] / В. Колмаков. – URL: http://4pera.ru/news/analytics/ekonomicheskie_printsipy_liberalizma/ (дата обращения: 30.07.2016).

15. *Конюков В.* НЭМО – новая экономическая модель общества. Прогрессизм. Формации общества [Электронный ресурс] / В. Конюков // Мировой кризис – хроника и комментарии. – URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2684987> (дата обращения: 15.08.2017).

16. *Малер А.* Метафизика Красного Стяга [Электронный ресурс] / А. Малер. – URL: <http://www.nationalism.org/ru/maler.htm> (дата обращения: 02.12.2016).

17. *Мартьянов В.* Парадигмы российской политологии [Электронный ресурс] / В. Мартьянов // Полит. образование : информ.-аналит. журн. – URL: <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii> (дата обращения: 03.12.2016).

18. *Розанваллон П.* Утопический либерализм. Рынок и три либеральных утопии [Электронный ресурс] / П. Розанваллон // Неприкоснов. запас. – 2002. – 3(23). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/3/r1.html> (дата обращения: 12.01.2017).

19. *Скидельски Р.* Прогрессизм – это кейнсианство [Электронный ресурс] / Р. Скидельски. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/46-47/15.pdf (дата обращения: 1.08.2017).

20. *Шелов-Коведяев Ф. В.* Либерализм [Электронный ресурс] / Ф. В. Шелов-Коведяев // Словарь «Что есть что в мировой политике». – URL: http://www.wehse.ru/cgi-bin/wpg/wehse_wpg_show_text_print.pl?term1304420141 (дата обращения: 15.08.2017).

Aspects of Liberal Matrix of Modernity

Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Various movements within liberalism differ in their approaches to vital structure and value elements of the modern age. But an obligatory thing is that representatives of these approaches have their attitudes to fundamental problems. In conclusion the author analyzes the attitude to vital institutions like state and civil society, and refutes the attempt to liken capitalism to democracy. Special attention is paid to liberal theorists' approach to the gender concept; attempts to break the role of gender differences and functional and family role principles driven by the differences in popular consciousness and politics are shown. Particular attention is given to new developments in the liberalism doctrine.

Keywords: paradigm, science, ideology, modernism, liberalism, neo-liberalism, gender, state, civil society, democracy, capitalism, progressivism.

Зуляр Юрий Анатольевич

*доктор исторических наук, профессор,
декан, исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243995
e-mail: uzulyar@yandex.ru*

Zulyar Yuriy Anatolievich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Dean, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)243995
e-mail: uzulyar@yandex.ru*